

Последние годы – не последние заботы

Окончание войны облегчило положение страны, но нанесенный ущерб продолжал сказываться. На первых порах правительство царя Алексея Михайловича не сразу отказалось от чрезвычайных налогов военной поры. Так, в 1668 году было предписано взыскать с торгово-промышленного населения страны «десятую деньгу». Занялись упорядочением судопроизводства. Некоторые статьи Уложения 1649 года потребовали уточнений, конкретизации, другие вследствие плохого исполнения решили вновь подтвердить. В 1669 году появились на свет «новоуказные статьи», продолжавшие законотворчество по уголовным и гражданским делам. Составители дополнительных законодательных норм позаботились о более четкой группировке статей по их тематике, что облегчало судьям поиск нужного материала. Усиление центральной власти вызвало некоторое сокращение круга обязанностей местных воевод в судебной сфере. Уполномоченные правительства (сыщики) направлялись в уезды для проведения розыска по различным делам. «Новоуказные статьи» предусматривали повышение значения свидетельских показаний в судебном процессе. Несколько ограничивалось применение пытки, наказаний, предусматривающих отсечение конечностей у обвиненных. Стали чаще заменять тюремное заключение ссылкой в Сибирь, что отвечало задачам заселения этой отдаленной окраины. Законодатели учли также решения Церковного собора 1666–1667 годов по делам воровства в храмах и другим проявлениям святотатства.

По-прежнему правительству Алексея Михайловича приходилось вплотную заниматься земельными делами дворянства. Участники войны 1664–1667 годов получили земельные и денежные пожалования, включая перевод части поместных дач в вотчинное владение. При этом учитывалась продолжительность военной службы, что влияло на размеры таких «придач». Эти меры намечали постепенное превращение земельной собственности дворян из условной, временной в наследственную и постоянную.

На юге европейской части страны шло продвижение русских поселений на плодородные черноземы, что серьезно повлияло на правительственную политику. Длительное время там не поощрялось распространение крупного феодального землевладения, в частности из соображений обороны страны. Мелкие служилые люди «по прибору», наделенные небольшими земельными участками, представлялись более предпочтительными, нежели бояре и другие «ближние люди», для которых главная забота – заселить новые места своими крепостными крестьянами и холопами. Но в начале 70-х годов XVII века правительство Алексея Михайловича все чаще отказывается от прежнего курса и допускает проникновение крепостников в южные пределы. На этот счет издаются соответствующие царские указы, правда не лишённые противоречивости и потому создававшие много споров в среде землевладельцев.

По фискальным соображениям правительство отказывается от прежде данных льгот по таможенному обложению, отменив в 1672 году тарханные грамоты. А церковникам запрещалось промышлять «мирскими торговлями», держать лавки. О всех случаях нарушений указа надлежало докладывать («писать») царю. Вместе с тем проявлялась известная гибкость политики в торговых делах ясачных людей. По челобитным башкир с них запрещалось брать согласно грамоте царя от 1673 года таможенные пошлины при продаже продуктов их хозяйства. Притом главный мотив этой меры – «для их иноземства». Пошлины с мехов и других товаров в таких случаях взыскивались с покупателей. Льготной являлась торговля сибирских «бухарцев» – выходцев из Средней Азии, равным образом и купцов ряда восточных стран, посещавших Россию.

В те годы активно развивались торговые отношения с армянским купечеством, в частности Джюльфинской компанией, которая действовала в «шахове области». Компания получила царскую жалованную грамоту на ввоз в страну шелка-сырца. Алексею Михайловичу армянские коммерсанты преподнесли весьма ценный подарок – алмазный трон. Однако армянские купцы желали большего. В августе 1672 года в Посольский приказ созвали видных русских купцов Василия Шорина, Михаила Гурьева, Остафия Филатьева и других. Их попросили дать ответ на следующий запрос властей: «Будет те армяне... шелк сырой и всякие персидские товары станут привозить в Московское государство и к Архангельскому городу, и в Великий Новгород, и Псков, и Смоленск, и за море в Немецкия земли с теми товары ездить учнут, и от того не будет ли московским и всех городов купецким людям в промыслах их помешки?» Купцы «за своими руками» подали «сказку» – ответ, где доказывали нежелательность транзита восточных товаров в европейские страны. Авторы «сказки» ссылались на положения Новоторгового устава о защите прав отечественных торговцев и предрекали ущерб для царской казны. К тому же выдвигался аргумент о возможности прямых договоров армянских купцов с европейскими, минуя Россию. С этим мнением посчитались. Но вопрос всплыл снова после кончины Алексея Михайловича.

Правительство царя Алексея заступалось за русских торговцев, когда они подвергались притеснениям в других государствах, как это случилось в Шемахе с приказчиками О. Филатьева. Спустя много лет, вследствие обид, причиненных русским купцам в пределах Ирана, Петр Великий объявил войну соседней державе.

Восстание С.Т. Разина побудило Алексея Михайловича принять меры для укрепления сословных перегородок в обществе. Прежде всего это касалось служилых людей, поскольку в антиправительственном лагере объединились различные силы из низших сословий. Среди них были приборные служилые люди (стрельцы, городовые казаки, пушкарники и др.). Практические и юридические шаги правительства имели целью затруднить переход из одного социального состояния в другое. Углубился водораздел между служилыми «по отечеству» (дворянами) и «по прибору». Более того, неоднократно выходили царские указы, запрещающие «верстание» из тяглого люда даже в низшие категории служилого сословия. В одном из указов повелевалось местным воеводам «из пашенных крестьян в службу не верстать и ни в какие чины без государева указу не приверстывать». В стрельцы и казаки

предписывалось верстать их детей и родственников, но не выходцев из крестьян и посадских. Разумеется, жизнь не укладывалась в прокрустово ложе высочайших предначертаний. Но направленность мысли законодателя показательна. «Крепостной устав» давал о себе знать много лет после его появления на свет. Принцип сословности довлел над обществом. Он и послужил одной из причин грандиозного народного движения, во главе которого встал донской казак Степан Тимофеевич Разин.

Вторая гражданская война в России известна в историографии под названием Крестьянской войны 1670–1671 годов (иногда ее началом считают 1667 год – исходную дату знаменитой экспедиции Степана Разина к берегам Ирана).

Вряд ли есть основания отрицать социальную направленность движения. Борьба за свободу, как ее понимали угнетенные слои населения в условиях засилья крепостничества, произвола царской администрации, составляла сердцевину суть действий восставших. При этом объектом ненависти повстанцев были в основном бояре и прочие сановники, приказные дельцы и другие проводники правительственной политики. Личность царя представлялась в идеализированном виде, всю вину за несправедливые дела в государстве возлагали на злодеев советников из окружения монарха. Конечно, возникало недовольство и самим Алексеем Михайловичем, о чем свидетельствуют всякого рода «непристойные речи» о царе, за которые сурово карали. Но в ходе самой крестьянской войны не проявлялось антицаристских настроений, о чем говорили «прелестные» письма и грамоты, распространяемые из лагеря повстанцев. Эти прокламации клеймили господ и начальных людей всех рангов, но призывов к свержению монарха или к расправе с ним не содержали.

Сохранилось любопытное свидетельство священника Н. Иванова, весьма бывалого человека, о том, что в Паншине городке С. Разин в казачьем кругу, по сути дела, обвинил «государевых неприятелей» в кончине за короткое время царицы и царевичей Алексея Алексеевича и Симеона Алексеевича, вопрошая: «Когда – де то бывало?» При этом атаман заявил о необходимости «изменников из Московского государства вывезть и черным людям дать свободу». В одном из «прелестных» писем 1670 года указывалось, что Разин выступил «за дом пресвятыя Богородицы, и за всех святых, и за великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича...»

Все это нисколько не мешало участникам движения вступать в сражения с «государевыми» полками. Ядро повстанческой армии составляли донские казаки, к ним примыкали работные люди ходивших по Волге судов, посадская беднота, крестьяне, мелкие служилые люди, жители ясачных районов Поволжья. Широкой поддержкой различных слоев тогдашнего общества объяснялись и территориальный размах движения, и его значительные успехи. Власти не без оснований опасались, что восстание Разина сольется с мятежными действиями антимосковских сил на Украине.

Без больших усилий Разину удалось овладеть, например, Астраханью и Саратовом. Ему открывали ворота и другие города. Многочисленные отряды восставших действовали не только в Поволжье, но и в районе Тамбовской засечной черты, в лесном Заволжье, на землях вновь заселяемой Слободской Украины. Лишь под Симбирском Разин встретил серьезное сопротивление, которое и стало решающим в подавлении движения царскими войсками. Битва у стен этого города лишней раз показала преимущества полков «нового строя», им принадлежала главная заслуга в разгроме разинского войска. Немало крови пролилось с обеих сторон.

В организации борьбы с движением Разина царь принял самое деятельное участие. Он понимал, что призывы разинцев имеют сильное воздействие на простой народ. Поэтому помимо чисто военных мер Алексей Михайлович не оставлял без внимания своего рода контрпропаганду. Если разинские прокламации поднимали на восстание «кабальных» и «опальных» людей, царские увещательные грамоты стремились выставить разинское движение как бунт «бездомовных» и «незнающих», сбитых с толку смутьянами. Алексей Михайлович обещал всем, кто не поддержит Разина, всевозможные льготы. Такие грамоты поступили, например, в Важский уезд, Муром, Юрьевец-Подольский, Скопин. В войска передавались и там широко объявлялись царские запросы о здоровье ратных людей и посулы наград за верную службу. Царь провел грандиозный смотр войск перед их выступлением в поход против Разина. А в письме семье от 29 октября 1670 года из села Семеновского он сообщал: «А мы на Спасителеве деле так же и всего нашего государства на великом смотре...»

Для дворян, которые не явились в полки, действовавшие против разинцев, или сбежали из них, царский указ предусматривал чувствительные наказания: у них отбирали половину поместий и вотчин. Зато для добросовестных служак Алексей Михайлович устраивал щедрые приемы с пожалованиями и наградами.

Неудовольствие царя вызвали те военачальники (Ю.А. Долгорукий и Б.М.Хитрово), которые посмели вступать в переписку с С.Т. Разиным, за что им было выражено высочайшее порицание.

С торжеством было объявлено о поимке атамана. Преданный Церковью анафеме, предводитель народной войны подвергся жестокой казни на Красной площади. По всей Руси объявили благодарственные молебны по случаю подавления восстания. Жесточайшие массовые расправы над участниками движения и их сторонниками прошли в Арзамасе.

В связи с восстанием С.Т. Разина власти вновь вспомнили о Никоне. Алексей Михайлович собственноручно написал «статьи»-вопросы, на которые должен был дать ответы измученный пытками атаман. Среди десяти пунктов значился и один, относившийся к

Никону. Следовательно, царь принимал участие в суде над С.Т. Разиным. По-видимому, Разин пытался установить связи с опальным патриархом, бытовал слух, что Никон находится в разинском войске. Этот слух дошел до ушей иностранцев и попал на страницы европейской прессы. В одной публикации говорилось: «С ними (то есть повстанцами. – А.П.) находится патриарх, а это хитрая голова». Противоречивые известия на сей счет не дают ясной картины связей Никона и Разина. Однако отставному патриарху пришлось держать ответ перед посланцами Алексея Михайловича. Не отрицал сношений с Никоном и сам атаман в расспросных речах. Как бы то ни было, Никона перевели из Ферапонтова монастыря в Кирилло-Белозерский – место более надежное для содержания ссыльного строптивца. Никон пережил царя на пять лет и до конца своих дней не простил «собинного» друга.

Разинское восстание использовало в идейном своем обосновании имена усопших членов семьи государя. Если на первых порах повстанцы признавали факт кончины царевича Алексея Алексеевича, то позже появилась версия о том, что он жив и даже находится в стане Разина. Официальным властям пришлось это опровергать, ссылаясь на общеизвестность данного факта.

Но честь царской фамилии пришлось отстаивать с неожиданной стороны. Казалось, пора самозванцев прошла. Но в 1673 году Алексею Михайловичу доложили, что в Запорожье объявился некто, именующий себя его сыном Симеоном. Кошевой атаман запорожцев Иван Сирко оказал самозванцу знаки высокого почтения. Тем не менее он спросил Лжесимеона, хочет ли он написать письмо «отцу». Рассказывая о своей одиссее, сей молодой человек поведал, что долго скрывался, побывал в войске Разина и только теперь решился открыться, но лишь избранным. В Запорожье прибыли посланцы правительства и гетмана Ивана Самойловича с требованием выдачи Лжесимеона. Однако, верные заповеди о невыдаче кого-либо из Запорожья, казаки отвергли это требование. Нашлось у самозванца немало сторонников. Между царскими посланцами (с ними был небольшой стрелецкий отряд) и запорожцами произошло столкновение. Сирко выказывал доверие Лжесимеону, выслушивая его баснословные рассказы о ссоре в царском семействе, грозившей – де «царевичу» смертью. Счастливый случай спас его, а затем последовали скитания по белу свету. Считал ли кошевой новоявленного царского отпрыска таковым или хитрил, сказать затруднительно. Возможно, бравый рубака был обижен на Москву, где его обошли гетманскими клейнодами. Царские уполномоченные договорились с запорожцами, что те отправятся в Москву и выслушают царское слово о «сыне». Действительно, такая поездка состоялась. Запорожские гонцы везли для вручения Алексею Михайловичу письмо его «сына». Авантюрист не постеснялся и такого почти самоубийственного шага. Он называл царя своим батюшкой и просил о личном свидании, которое рассеет все сомнения. Царь отправил Сирко гневное письмо: «Этот лист нашему царскому величеству ныне и никогда не потребен». Далее Алексей Михайлович назвал точную дату кончины своего сына Симеона и обстоятельства его погребения. От запорожцев государь требовал немедленно выдать самозванца, но тут же обещал обеспечить войско оружием, боеприпасами, золотыми деньгами и сукнами. Прибывших в Москву казаков было приказано держать заложниками вплоть до передачи Лжесимеона царским властям.

Получив эту грамоту, Сирко не стал перечить. Самозванца выдали. Его провезли по Москве в той же телеге, что и С.Т. Разина. И конец Лжесимеона был сходным. Царь, Боярская дума и патриарх приговорили самозванца к такой же смертной казни, как и Разина, что и свершилась на Красной площади.

Еще до разворота разинского восстания в противоборстве с властями светскими и духовными оказался Соловецкий монастырь. С 1668-го по 1676 год продолжались волнения в этой обители, значение которой на Руси было всегда велико. Монастырь превратился в оплот старообрядчества, большинство его братии не приняло церковную реформу. Там составили один из самых авторитетных в старообрядческой среде документов – челобитную, которая послужила образцом для последующей публицистически-богословской литературы раскольников. Длительное время монастырь выдерживал блокаду, отбивал штурмы направленных против мятежников правительственных войск. Разгром восстания Разина вызвал приток в Соловецкий монастырь радикально настроенных повстанцев. Впрочем, взбунтовавшийся монастырь всегда лихорадило. Все время шла то скрытая, то открытая борьба группировок. Замирение восставшего духовного и мирского люда в этом центре православия состоялось под давлением военной силы уже после царя Алексея.

Конец 60–х – середина 70-х годов XVII века составили своеобразный этап во внешней политике России. Он во многом определил ее основные черты вплоть до начала XVIII столетия. Андрусовское перемирие правительство Алексея Михайловича решило закрепить на международном уровне. В европейские страны были отправлены посольства с извещениями о территориальных приращениях России, а также о других условиях достигнутого соглашения между вчерашними противниками. Среди этих посольств одним из самых примечательных стало посещение Испании и Франции стольником П.И. Потемкиным. Согласно посольскому отчету (статейному списку) король Людовик XIV с одобрением встретил известие о перемирии, одновременно выразив надежду на развитие русско-французских отношений по торговой линии. Французское купечество проявило в этом заинтересованность. Визитом русских послов воспользовался Кольбер, чтобы добиться льготных условий торговли с Россией. В этих целях он изучал торговые договоры России с Голландией, давая соответствующие инструкции своим агентам в Гааге и Курляндии.

Италия стала свидетелем приезда миссии дворянина Лихачева. Она побывала во Флоренции, где послам показали театральное представление, которое Лихачев обстоятельно описал. Это, видимо, подтолкнуло царя к созданию своего придворного театра. В 1668 году Алексей Михайлович командировал в Венецию торгового иноземца Келдермана, который вручил царские грамоты дожу и Сенату.

После Андрусовского перемирия наметилось военно-политическое сближение России и Речи Посполитой. Весьма интенсивно проводятся переговоры в Андрусове, Москве и Варшаве о совместных действиях против турецко-крымской опасности. К тому времени вполне очевидной стала активизация политики Османской империи на севере ее территории. Кроме того, Турция заключила выгодный мир с Венецией и Империей. На рубеже 70-х годов она была готова к наступательной войне в причерноморском регионе. Опасность нависла прежде всего над Речью Посполитой и Россией. Переход гетмана П.Д. Дорошенко с правобережными полками под власть султана укрепил намерение Стамбула расширить территориальные захваты.

Однако на путях сближения России и Речи Посполитой при всей его естественности в ту пору возникало множество трудностей. На престоле Речи Посполитой появился новый король – Михаил Вишневецкий, сторонник возвращения Украины под власть магнатов. Предметом разногласий оставалась принадлежность Киева. Россия всемерно старалась удержать «мать городов русских». Пока шли сложные обсуждения всех этих вопросов, произошла смена руководства Малороссийского и Посольского приказов. Алексей Михайлович остался недоволен некоторыми самовольными действиями А.Л. Ордина-Нащокина в международных делах. Воспользовавшись просьбами Ордина-Нащокина об отставке, царь принял ее и назначил преемником А.С. Матвеева, своего давнего любимца. Ордин-Нащокин удалился в монастырь.

Между тем в 1672 году турецкая армия нанесла мощный удар по южным районам Правобережной Украины. Пала сильнейшая крепость Каменец-Подольск, господствующая цитадель Речи Посполитой в Подолии и Волыни. Царь Алексей мобилизует русскую дипломатию, чтобы помочь Речи Посполитой в этот трудный момент, не забывая, естественно, и о безопасности России. Неоднократные посольства в Турцию терпели неудачу, султан не желал прислушиваться к настойчивым требованиям Москвы прекратить войну. В западноевропейские государства отправились русские дипломатические представители. Главная цель их состояла в том, чтобы создать широкую антиосманскую коалицию держав. Переговоры проводились в Вене, Париже, Мадриде, Лондоне, Гааге, Копенгагене, Стокгольме, но их результаты оказались неутешительными.

В исторической литературе эта внешнеполитическая акция России подчас оценивается как свидетельство слабости русской дипломатической службы, ее неосведомленности о реальной обстановке в тогдашнем мире. Конечно, у европейских государств были тогда не всегда совпадающие, а то и расходящиеся интересы, назревали и развертывались военные конфликты и так далее. Думается, московская линия на международной арене имела свои обоснования и свою идею, хотя и трудновыполнимую. Речь идет о религиозной окраске предполагаемого антитурецкого союза – объединении христиан всех направлений против мусульманской империи, угрожающей не только православной вере. В Москве не играли в политику и относились к предпринятым шагам вполне серьезно. Напомним, что Алексей Михайлович считал себя ответственным перед Богом за состояние как своей державы, так и всего христианского мира, особенно единоверцев. Еще в 1656 году царь в беседе с

греческими купцами спросил их, желают ли они освобождения от турецкой неволи. Получив безусловно положительный ответ, Алексей Михайлович обратился к боярам, прослезившись и без напускного пафоса, со словами глубокой боли за страдающих единоверцев. Он говорил о том, что Бог взыщет с него в Судный день, если не будут использованы все средства для вызволения поработанных – вплоть до собственной крови. Только с учетом названного фактора можно дать более объективную характеристику дипломатических усилий Москвы. Узнав о падении Каменец-Подольска, Алексей Михайлович созвал Боярскую думу для совета. Царь опасался турецкого похода на Киев. В воздухе запахло новой войной. Было решено назначить сбор чрезвычайных налогов. Алексей Михайлович объявил о своем намерении возглавить русскую армию в предстоящем походе. Поступило распоряжение в Путивль строить там Царский двор. Определили военачальников в главные украинские города.

Бесконечные заботы доставляло царю Алексею положение на Украине в конце 60-х – начале 70-х годов XVII века. Восстание Разина перекинулось на Слободскую Украину и на левобережье Днепра. Царские войска были двинуты на подавление движения. Сложную игру вел П.Д. Дорошенко. Он не отказывался от мысли о гетманстве на обеих сторонах Днепра. Но на Левобережье был свой гетман – Демьян Многогрешный, которого на первых порах поддерживала Москва. Речь Посполитая выдвинула своего претендента на гетманскую булаву – М. Ханенко. Раздираемая внутренними противоречиями Украина вместе с тем неодобительно воспринимала вести о русско-польских переговорах, подозревая их участников в желании уладить свои отношения за ее счет. О Многогрешном стали поступать в Москву обвинительные известия и доносы. К тому же гетман неуважительно высказывался о государе и распространил слух о намерении Москвы всю казацкую старшину арестовать и отправить в Сибирь. Противники гетмана улучили момент, схватили его и доставили в Москву. По свидетельству подьячего Алексева, который поехал в Батурин к старшине с царским «милостивым словом», по дороге многие украинцы ему говорили: «Чтобы царскому величеству прислать нам своих воевод, а гетману у нас не быть, да и старших бы всех перевести; нам было бы лучше, разоренья и измены ни от кого не было бы; а то всякий старшина, обогатясь, захочет себе папства и изменяет, а наши головы гинут напрасно».

Д. Многогрешного и его брата Василия в Москве строго допросили, не обошлось без пытки. Они признались в измене, сношениях с Дорошенко и других провинностях. Боярская дума приговорила братьев к смертной казни. На Болотной площади все было для этого готово, осужденных положили на плаху, но в последний момент примчался гонец с царским прощением. Многогрешным сохранили жизнь и отправили в сибирскую ссылку.

Вскоре туда же угодил запорожский кошевой И. Сирко, схваченный при попытке вывести из повиновения русскому правительству казаков Левобережья.

По согласованию с царем казацкая старшина собралась в июне 1672 года на раду, присутствовал также князь Г. Ромодановский в качестве царского уполномоченного. Рада состоялась в Казачьей Дубраве, недалеко от Конотопа. Во время чтения статей об условиях пребывания Украины под властью Алексея Михайловича в шатер вошел посланец царя и от его имени объявил «великого государя радость: мая 30, за молитвами святых отец, даровал Бог царскому величеству сына, а нам царевича и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России!» Присутствующие встали и стали поздравлять Ромодановского с этой вестью. Новым гетманом избрали Ивана Самойловича, бывшего генерального судью.

После Бучачского мира Речи Посполитой с Турцией осталась неопределенной судьба Правобережной Украины. В Посольском приказе России положение расценили в том смысле, что король Речи Посполитой, уступив султану южные районы Правобережья, лишился прав и на остальную часть этого региона. Подобный подход к проблеме как будто находил свое подтверждение в колебаниях П.Д. Дорошенко, размышлявшего о переходе в подданство России. Запорожцы, подтвердив свою верность царю, попросили освободить И. Сирко, своего удачливого в ратном деле кошевого. Алексей Михайлович исполнил желание Запорожья.

Девятнадцатого марта 1673 года в Москве устроили демонстрацию русской артиллерии, отправляемой в украинские города. Судя по отзывам присутствовавших при сем иностранцев, парад прошел удачно. Запряженные парами цугом лошади везли «строем» крупнокалиберные пушки, снаряженные к бою. Немцы, греки, армяне, иранцы, наблюдая это зрелище, оценили возможности русской армии в грядущей войне с султаном. Но ближайшие события обрели далеко не парадный характер. Не слишком посчитавшись с исходным намерением царя, русские военачальники и гетман Самойлович попытались перейти с войсками на правый берег Днепра. Но операция не удалась, а в тылу появилась крымская орда. В результате русско-казацкое войско отступило. Алексей Михайлович послал Ромодановскому гневное письмо с осуждением предпринятых действий, упрекнул его в недальновидности при сношениях с Дорошенко.

Более успешными оказались операции русских войск под Азовом. Донцы и ратные люди нанесли поражение противнику, но взять мощную крепость небольшими силами нечего было и думать.

Зимой 1673–1674 годов Ромодановский и Самойлович повторили поход за Днепр, на этот раз небезрезультатный. Были взяты Черкассы и Канев, осажден Чигирин. Странники Дорошенко стали переходить в стан русских войск, в плен попал брат гетмана. Правобережные полки один за другим обращались с просьбами о принятии их под высокую государеву руку.

Семнадцатого марта 1674 года, в день именин Алексея Михайловича, в Переяславле собрались представители десяти казацких полков левой и правой сторон Днепра и постановили просить царя утвердить гетманом всей Украины И. Самойловича. Но осуществить это решение не удалось. Правобережная Украина осталась вне России. В следующем году запорожцы, донские казаки и калмыки, подступив к Перекопу, заставили крымскую орду вернуться восвояси из похода на Украину. А в 1676 году П.Д. Дорошенко сдался на милость Москвы, прекратив свое подданство султану.

Это случилось в последние дни жизни царя Алексея. Тяжкие испытания, выпавшие тогда на долю украинского народа, привели к тому, что жители Правобережья стали массами переселяться на левый берег Днепра, то есть в области, находившиеся почти постоянно под верховной властью царя. Украинцы признавали более безопасной жизнь в пределах России. Популярность Дорошенко резко упала в немалой мере потому, что он пытался насильственно удержать население на постоянно разоряемом Правобережье. Не могли поддерживать украинцы и крымско-турецкое присутствие на своих землях, результаты которого были слишком хорошо известны.

В последние годы правления Тишайшего обострилась обстановка на Дальнем Востоке. Цинская династия в Китае решила положить предел русскому продвижению в Приамурье. В 50-х годах маньчжуры в противоборстве с казачьими отрядами терпели поражения. В Пекине даже после пребывания там посольства Ф.И. Байкова не было ясности, что же представляет собой русская сторона, с которой пришлось иметь дело. С течением времени накапливались сведения России и Китая друг о друге, чему содействовали торговые поездки (в том числе две экспедиции в Китай купца Сеиткула Аблина). Нерчинский воевода Д.Д. Аршинский вел переговоры с китайскими властями, о чем докладывал в Москву. Трения вызывал вопрос о подчиненности населения местностей, разделявших два государства. Воспользовавшись прибытием в Пекин казачьего десятника И. Милованова, посланца Аршинского, китайские власти переслали на имя царя Алексея Михайловича «лист» от императора Сюань Е, в котором выражалось согласие на мирные отношения между обеими державами.

Но правительство цинского Китая не отказывалось от возможности насильственного выдворения русских из Приамурья, это намерение пока скрывалось за дипломатической любезностью.

В Москве рассудили за нужное снарядить в Китай специальное посольство. Во главе этой миссии Алексей Михайлович своим указом 4 февраля 1673 года поставил Николая Спешария. Его рекомендовал царю глава Посольского приказа А.С. Матвеев. По существу, это была первая попытка на официальном высоком уровне завязать дипломатические отношения с Китаем. Перед посольством также ставилась задача узаконить торговлю между подданными России и Китая. По-видимому, не исключалось рассмотрение

территориального вопроса, хотя в подготовленном для Спешария правительственном наказе об этом не упоминалось.

В начале марта 1675 года многочисленное и пышное посольство выехало из Москвы. Но отчитываться ему пришлось уже перед новым царем – Федором Алексеевичем, – столь много времени заняла эта трудная поездка за тридевять земель. Попутно заметим, что по южносибирской границе, четко еще не определенной, политические и торговые отношения Россия имела с монгольскими государствами, враждовавшими между собой (государство Алтын-ханов, Халха, Джунгария). Россия стремилась не вмешиваться в эту борьбу, пытаясь сохранить мир близ своих пределов. Но порой приходилось отбивать нападения отдельных воинственных правителей, претендовавших на ясачных людей приграничной полосы.

Таким образом, внешнеполитические проблемы в последние годы царствования Алексея Михайловича продолжали занимать первенствующее место в государственных делах. Россия шаг за шагом двигалась в направлении более тесного включения в международные отношения. Соответственно рос интерес к нашей стране в других государствах.

Показателен в этом плане пример с восстанием Степана Разина. Оно вызвало не только небывалый поток записок иноземных наблюдателей и статей в газетах разных стран, но и неподдельный страх перед разбушевавшейся народной стихией, готовой выплеснуться за рубежи России, а верхам русского общества угрожавшей полным уничтожением. Разумеется, такие публикации не обходили фигуры попавшего в крайне затруднительное положение царя Алексея, тем самым сообщая европейскому читателю как достоверные, так и баснословные данные о русском монархе.

Неудачи на Западе лишали Россию возможности иметь морской флот. Но эта идея не оставляла Алексея Михайловича. Он поручил А.Л. Ордину-Нащокину организовать работы по созданию морских судов для плаваний на Каспийском море. В селе Дединове на Оке стали строить трехмачтовый двадцатидвухпушечный корабль «Орел» и несколько более мелких судов. Летом 1669 года «Орел» по Оке и Волге был спущен до Астрахани. Команда состояла из нанятых в Амстердаме моряков во главе с капитаном Д. Бутлером. На борту были русские члены экипажа. Однако во время взятия Астрахани разинским войском корабль сгорел.

Строительство дединовской флотилии послужило поводом для подготовки первого русского морского устава, в котором провозглашалась идея: «Капитану ж должно учинить присягу верного служения, что ему корабль врученный неприятелю не отдать», в безвыходном положении надлежало судно сжечь или потопить, но не сдаваться неприятелю. Здесь можно видеть прообраз некоторых положений «Морского устава» Петра Великого.

К исходу 60-х годов общественно-культурная среда, в которой жил и вершил государственные дела царь Алексей, определилась окончательно. В свое время В. О. Ключевский дал выразительную, почти зримую характеристику Алексея Михайловича: «...одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении». Действительно, трудно было найти человека, более приверженного православию, чем второй представитель династии Романовых. Что же касается иной части этой формулы, то она, полагаем, не вполне точна. Царь уже сделал свой выбор. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные факты из разных областей жизни самого монарха, да и наиболее приближенных к нему лиц, среди которых особенно выделялись А.Л. Ордин-Нащокин и А.С. Матвеев (кстати, оба – завзятые «западники» по своим склонностям). Читатель уже имел возможность убедиться в том, что предметы культуры и быта иноземного происхождения окружали Алексея Михайловича начиная с детских лет. Приглашение иностранных специалистов стало нормальным явлением в России тех времен. Помимо военных царь зазывал в Россию через своих уполномоченных людей, сведущих в разных областях знания. Так, в 1658 году полковник Франц Траферт, отправляясь в Голландию с поручением Алексея Михайловича, обещал добыть на царскую службу «инженеров таких, что во всей Еуроппи других таких не будет». Не раз подобные миссии выполнял фон Стаден. К 1669 году приурочена его поездка за море для найма рудознатцев и мастеровых. И. Гебдон, кроме закупок оружия, призывал на русскую службу мастеров. Алексей Михайлович оказывал знаки внимания представителям интеллигентных профессий. В марте 1668 года он на Каменном крыльце дворца жаловал к руке «дохтура и аптекарей и всяких Оптекарские полаты мастровых людей». Тогда же этой чести удостоились мастеровые люди Золотой, Серебряной и Оружейной палат. «Дохтур» и аптекари были на торжественном обеде по случаю «объявления» царевича Алексея, а также «иноземцы торговые». Устраивал царь и приемы для «выезжих иноземцев». Некоторое время в России служили «сербяня» князя Богдан и Степан Милорадовы. Их командировали для поисков серебряной руды на север. Менее чем за два года до своей кончины Алексей Михайлович среди множества получивших жалованную государем рыбу не обошел докторов, аптекарей, алхимиста, а также учителей сына Федора. С интересом отнеслись в Москве к заезжему прожектору Я. де Грону с его предложениями о пополнении царской казны.

Алексей Михайлович доверял иностранцам весьма ответственные дипломатические поручения. К примеру, Павел Менезиус представлял Россию в Вене и Риме, Петр Марселлис посетил в качестве посланника Данию и Венецию, Н. Спафарий – Китай.

Однако взоры царя были устремлены не только в сторону Запада. Воеводы Астрахани и Терского городка получали неоднократно указы о приискании из числа индийцев и других жителей Востока мастеров различных специальностей по выработке хлопчатобумажных тканей, разведению шелковицы и «бумажного семени» (хлопчатника), шелкоткачества и так далее. О масштабах предпринимаемых мер говорит хотя бы такой факт: один только обоз с редким грузом – тузовыми деревьями – состоял из двухсот подвод. Незадолго до своей смерти Алексей Михайлович направил в Индию посланником астраханца М.Ю. Касимова. В наказе говорилось не только об установлении прямых дипломатических и торговых

отношений, но и о призыве на русскую службу «самых художных мастеров каменных мостов и иных изрядных дел».

Помимо многолюдной Немецкой слободы в Москве существовали компактные поселения украинцев и белорусов, греков, грузин, армян, татар. В альбоме рисунков посольства Мейерберга запечатлены различные этнические типы встреченных в столице России людей.

Таким образом, Тишайший, оставаясь преданным православной старине, отнюдь не исключал применения в своей стране опыта других народов. Россия не представляется нам «закрытым обществом». Все полезное могло найти место на русской почве. Это – прямое предвещие эпохи Петра Великого. Полки «нового строя», попытка заведения флота, расширения международных связей, порыв к Балтике, укрепление высшей власти до уровня абсолютной, новые люди у кормила правления, новые веяния в культурно-бытовой области – все это присуще временам царя Алексея. Между отцом и сыном не было пропасти, которую нужно было бы преодолевать одним прыжком. Преобразователь России начал движение с подготовленного плацдарма – движение более решительное и ускоренное. Но без накопленного потенциала предыдущей поры такое движение неминуемо потерпело бы неудачу.

Если можно говорить о формировании придворной культуры, то царь имел к этому самое прямое отношение. Причудливое переплетение отечественных традиций с иноземными, а также переработка библейских сюжетов во всем придворном церемониале и быту создавали соответствующую атмосферу, общий настрой. Писатели и поэты, художники, ученые-богословы составляли окружение Алексея Михайловича. Его собственные интересы были достаточно разносторонними.

До конца дней своих царь не изменял пристрастиям к постижению книжной мудрости – религиозной и светской. Недаром современники говорили о царе, что он «навычен» многим философским наукам. Алексей Михайлович не расставался с книгами. С ними он был у себя «на Верху», брал их в «походы» к Троице и в другие святые места. По указанию царя книги покупались на Печатном дворе и в торговых рядах. Об этом свидетельствуют «дневальные записки», приходо-расходные документы Приказа Тайных дел и другие источники. Книги приобретались царем не только для собственного чтения, но и для рассылки в монастыри, церкви, полки и так далее. Изрядно трудились переплетчики – им хватало работы по заказам Алексея Михайловича. Для царя переписывались некоторые рукописные произведения, в том числе исторические.

Так, в 1669 году царю было передано в один прием восемь книг, среди которых – беседы, деяния и послания апостолов. Тогда же по распоряжению Алексея Михайловича в полк М. Кровкова «для севской службы» вручили комплект богослужебных изданий (потребник,

Евангелие, Псалтырь, минея общая, триодь постная, шестоднев). Шестнадцатого сентября 1669 года куплено в «ряду» десять Псалтырей учебных в переплете по цене двадцать два алтына две деньги за экземпляр – в Троицкий поход государя. Большая партия (сто книг) куплена с Печатного двора, причем книг весьма дорогих (два рубля шесть алтын четыре деньги за штуку). Мартом 1670 года датирована запись об очередной крупной партии книг (двести триодей постных по сорок алтын за экземпляр). Столько же триодей цветных «в тетрадках» взято с Печатного двора по «указной цене». В «рядах» в это же время куплено десять октаев, апостол и два неназванных издания. В церковь Александра Невского Алексей Михайлович купил триодь постную и потребник. «Судие вселенскому» патриарху Паисию Александрийскому царь пожаловал двенадцать книг. Богослужебной литературой наделил полковника Василия Многогрешного, брата гетмана Д. Многогрешного. По царскому указу обеспечили книгами служилых людей, посланных на поиски серебряной руды. А в Уфу со стольником П.И. Годуновым отправлено два пролога. Отъезжая в Преображенское, венценосный книголюб затребовал себе книгу «Скрижали». В царские хоромы купили потребник, напечатанный в Киеве.

Переплетчикам иногда указывалось изымать из книг соответствующие тексты, переплетать их и пускать в дело. Так поступили в 1668 году с тридцатью тремя экземплярами Евангелий, из которых «выиманы» поучения в мясопустную и первую неделю Великого поста и некоторые другие тексты. По указу царя книги отправляли в Вятку, Верхотурье и другие города.

Для Алексея Михайловича переписывали «Историю Казанскую» (ее рукопись была взята во временное пользование у Н.И. Одоевского). Вряд ли обошел своим вниманием царь «тетради, в полдесть, переводе греческого письма о Мосохе, от него же нарекошася москвичи», а также рукопись «О комете» и перевод с латинского «О медных рудах», выписки об Индии. Эти материалы в Приказе Тайных дел хранились особо, а в опись они попали наряду с корреспонденцией самого хозяина.

Алексей Михайлович любил художественно оформленные книги. В 1672–1675 годах Посольский приказ перевел несколько книг с греческого и латинского языков. А мастера Оружейной палаты – живописцы и переплетчики – оснастили эти работы с большим вкусом бархатными переплетами, золотой и серебряной инкрустацией, орнаментами, иллюстрациями. Это были книги о семи «свободных учениях», о четырех древних монархиях, Василиологион (о подвигах Царей), родословная книга и так далее. Все книги побывали у царя.

Царь Алексей Михайлович хорошо знал церковное пение. Он не ограничивался слушанием патриаршего и епархиального хоров певчих. Понравившихся ему певцов он собирал в Москве. В Кремле была целая слободка из пяти добротных дворов, в которых жили певчие. Своего рода «конкурс» хорового пения обычно устраивался на Рождество Христово, когда хоры пели «переменяясь». Состязались певчие из Новгорода, Суздаля, Пскова, Казани,

Белгорода, Архангельска, Смоленска. Третьего января 1676 года, менее чем за четыре недели до кончины, Алексей Михайлович слушал «славенье» певчих «станец» из епархий и оделил их щедро. Будучи человеком по натуре жизнерадостным и веселым, Алексей Михайлович не отвергал и светскую музыку. За два дня до «медного бунта» в Коломенское были вызваны музыканты числом тринадцать человек, в том числе «сиповщик». Они тешили государя. В начале 1675 года в царских покоях поздно вечером «в трубы трубили и в накры били». Прочно стояли «на Верху» органы – о них источники упоминают не раз.

Центром «музыкального обеспечения» запросов монарха была так называемая Набережная изба в Кремле, где работали переписчики нот и исполняемых произведений. В ноябре 1669 года было куплено для отопления этой избы, «где пишут государевы певчие книги» (здесь же были и переплетчики), десять сажень дров по гривне воз, а в декабре выдали государеву жалованье «певчих книг писцам» Потапу Максиму и Семену Сидорову по пять рублей на полугодие. Свидетельства деятельности писцов Набережной избы сохранились в перечне документов Приказа Тайных дел. Царь лично наблюдал за сохранностью и соответствующим внешним оформлением певческих рукописей, представленных книгами, тетрадями, столбцами «наречному и прежнему строчному и знаменному пению» и «всякими певческими переводами». Несомненно богатство и разнообразие музыкальной библиотеки Алексея, что говорит о его запросах и вкусах, далеко не заурядных. Известно, что его сын Федор настолько овладел нотной грамотой и композицией, что сочинял духовные песнопения, которые заняли свое место в старинной русской музыке.

Алексей Михайлович привлекал образованных и способных людей из украинского и белорусского духовенства для просветительской работы в России. Еще во время своего похода в 1656 году в Полоцке он познакомился с местным ученым монахом Симеоном. Тот произвел на русского монарха сильное впечатление своими знаниями и красноречием. Симеон принял приглашение Алексея Михайловича, и Россия обрела писателя и поэта Симеона Полоцкого. Ему было доверено также воспитание наследников престола.

Частое, а то и повседневное общение с Полоцким, по-видимому, доставляло Алексею Михайловичу немалое удовлетворение. Тем более что в своих стихах Полоцкий воспевал монарха, превознося его заслуги в панегирическом стиле. Ценил Алексей Михайлович Е. Славинецкого, Сатановского и других редакторов-«справщиков» Печатного двора. Длительное время в России находился газский митрополит Пахомий Лигарид, человек авантюрного характера, но умный, начитанный, умелый полемист и ритор. Из друзей Никона Лигарид, оценив обстановку, перешел в лагерь царя и способствовал поражению патриарха, хотя на решающем этапе – суде он оказался в стороне. После смерти царицы Марин Ильиничны Лигарид обратился к царю с утешительным посланием, выдержанным в выпретенном духе, что не могло не покорить сердце Алексея Михайловича, питавшего слабость к риторике с вопросительно-восклицательной фразеологией, цитированием творений отцов Церкви и философов древности.

В совместном произведении Полоцкого и Лигарида «Опровержение челобитной попа Никиты», направленном против расколоучителей, развивались мысли о пользе книжного чтения и собирания библиотек («вивлители») частными лицами. Жизнь подтверждала осуществимость этого совета. Личной библиотекой располагал сам царь, были они у А.С. Матвеева, Б.И. Морозова, а также у царевичей Алексея и Федора. «Опровержение» адресовалось Алексею Михайловичу и призывало монарха распространять школьное образование в России, притом не только церковное. Несомненно, царь был знаком с этим трактатом. Соавторство было продолжено в других сочинениях просветительского содержания.

В 1647 году Москву посетил посольство Речи Посполитой. Вместе со свитой приехал сербский ученый Юрий Крижанич, чтобы познакомиться с Москвой и Россией, собрать материал для своих трудов. Первая поездка породила у Крижанича желание побывать в этой стране еще раз и подольше. С молодым царем у него встреч не было. Его занимали тогда вопросы объединения православной и католической Церквей, из России он вывез нужные ему книги. Углублялся интерес Крижанича к славянской тематике. Свое намерение ученый смог осуществить много позже – в 1659 году. Как было принято тогда, Крижанича, иноземца, дотошно расспрашивали в Посольском приказе – кто он, откуда, зачем приехал. Эту «сказку» Ю. Крижанича доложили царю. На ней осталась отметка: «Государю – чтено». Вскоре дьяк Посольского приказа сообщил царю, что «на его имя» вышел из Сербской земли ученый человек, знающий четыре языка, грамматику, риторику, философию, арифметику и музыку. Алексей Михайлович заинтересовался Крижаничем – такие люди России были нужны. Царь распорядился для начала выдать приезжему ученому жалованье «за выход». Крижанича зачислили на службу в Приказ Большого дворца.

Находясь в Москве, Крижанич подготовил обширное Письмо на имя царя, в котором высказал свои предложения по различным вопросам научно-образовательного характера. Он еще до приезда в Россию читал известную книгу А. Олеария. Ее содержание показалось ему весьма предосудительным, наносящим ущерб престижу России (и славянству вообще) в других странах Европы. Крижанич предлагал свои услуги в опровержении зловерных писаний голштинского путешественника и был готов ответить на них своей книгой. Защитить честь русского монарха, развеять ложные представления о порядках в России, стесняющих жизнь народа до рабского положения и препятствующих притоку иностранных мастеров, – другая задача, которую принимал на себя автор письма. Особое место Крижанич отвел улучшению книжного дела и библиотек (в том числе царской). «Молю... назвать меня историком-летописцем вашего царского величества и под сим именем служить», – просил Ю. Крижанич, одновременно рассчитывая получить должность царского библиотекаря. Кроме того, в письме выражалось согласие Крижанича подготовить грамматику и лексикон, а также новое издание Библии. В Посольский приказ «сербянин» подал свои рассуждения об Украине, ее управлении («Беседа к черкасам»). Крижанич ехал в Москву через украинские земли, общался с местными жителями и вынес твердое убеждение в том, что будущее этого края – в единстве с Россией. Иными словами, Крижанич, представляя свои писания, претендовал на роль советника государя.

Чиновники иностранного ведомства России не без опаски отнеслись к предложениям заграничного ученого. Возможно, они предполагали принадлежность его к иезуитам. Да и вряд ли они хотели в узкий круг приближенных царя ввести неизвестного им человека. До Алексея Михайловича довели только два предложения из всей программы Крижанича: по составлению славянской грамматики и новому изданию Библии. Алексей Михайлович одобрил доклад дьяков приказа, и Крижанич получил возможность заняться давно задуманным трудом. Правда, к печатанию Библии его не допустили, но идеей воспользовались. Позже он вспоминал: «...царем ему велено книги писать алфавит истинный славянского языка составить и грамматику исправить».

Крижанич упорно работал, близился к завершению его труд. Но произошло непредвиденное. В начале 1660 года его арестовали и по царскому указу отправили в сибирскую ссылку. В чем состояла вина ученого, осталось тайной. Тогда ведь могли наказать за любое неосторожное слово. А Крижанич был человеком общительным. Полтора десятилетия он провел в Тобольске, продолжая свои научные труды. Ссылный получал самое высокое жалованье (семь с половиной рублей в месяц), но покидать сибирскую столицу ему не разрешалось. Крижанич, ратуя за Россию, православную веру, единение славян под главенством русского царя, остался католиком, что само по себе вызывало настороженность и подозрения.

При всех перипетиях судьбы пребывание Крижанича в России стало самым плодотворным этапом его научной деятельности. В Сибири он написал свое знаменитое сочинение – «Политика». При Федоре Алексеевиче Крижанича вернули из ссылки, и он покинул Россию. Вероятно, возымело действие отчаянное письмо невольного сибиряка наследнику престола (какими-то путями дошедшее до него) после того, как надежды на помощь со стороны Алексея Михайловича иссякли.

Тишайший имел склонность к литературному творчеству. Он составил описание начала похода против Речи Посполитой, пытался сочинять стихотворения, имея перед глазами живой пример – поэта Симеона Полоцкого. Своеобразно довольно обширное эпистолярное наследство Алексея Михайловича.

Царю нельзя было отказать в художественно-эстетическом восприятии окружающей обстановки. Заказы на иконы и картины царь поручал наиболее даровитым и опытным мастерам из соотечественников и иностранцев. Алексей Михайлович высоко ценил искусство Симона Ушакова, который много лет руководил живописными работами в царских покоях. Однажды художникам пришлось трудиться день и ночь двенадцать суток, чтобы успеть выполнить заказ Алексея Михайловича к Пасхе. В связи с новосельем князей Юрия Алексеевича и Михаила Юрьевича Долгоруких (1674 год) Алексей Михайлович торжественно преподнес им образ Покрова Богородицы в серебряном окладе работы Симона Ушакова.

По– видимому, Алексей Михайлович не отказывался от позирования художникам, писавшим его портреты. В 1669 году Симон Ушаков на полотне изобразил портрет царя, подаренный затем александрийскому патриарху Паисию. Художник Станислав Лопуцкий писал портреты с «живства», то есть с натуры. Хорошо известен портрет царя Алексея его работы. После смерти царя Федора Алексеевича были найдены портреты его отца, брата Алексея, матери царицы Марии Ильиничны. Иван Салтанов, известный художник того времени, в 1671 году поднес царю на Пасху «5 персон разными статьями». Он же изобразил царя Алексея Михайловича «в успении» (посмертный портрет).

Для «осьмого чуда света» – Коломенского дворца – С. Лопуцкий и Иван Мировской рисовали гербы («клейма государево и всех вселенских сего света государств») и другие картины. При дворе работал и «перспективного дела мастер» Петр Энглес. По заказу Алексея Михайловича исполнялись картины на сюжеты библейской и древней истории. Д. Вухтерс написал «Пленение града Иерусалима», «Град Иерихон», картины о деяниях Александра Македонского. Армянин Б. Салтанов запечатлел двор государев, ученик его, Карп Золотарев, в 1672 году преподнес царю аллегорическую картину «Чувство осязание». Известно, что во дворце позже находились картины о всех пяти чувствах. Выполняя повеление государя, в Постельных хоромах на трех плафонах были выписаны притчи пророков Ионы, Моисея, а также Эсфири. А в Столовой избе плафон потолка украсили небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды с астрономической точностью расстояний и размеров. Предполагают, что это поучительное изображение служило руководством при воспитании царевича Петра. Такие «беги небесные», картины, чертежи, гравюры были в домах А.С. Матвеева, В.В. Голицына. В любимом Измайлове царское семейство могло сидеть в беседках, «писанных красками». Дворцовые помещения Кремля имели настенные росписи, в которых причудливо сочетались изображения растений, животных, птиц. Комнаты и двери со времен Алексея Михайловича стали обивать дорогими тканями и кожей, также художественно разукрашенными. Серебряными кожами была обита комната царевича Петра.

Художников привлекали для изготовления карт-«чертежей» не только разных территорий России, но и других государств (включая Индию), частей света (в том числе Америки) и так далее. Конечно, с современной точки зрения это все весьма несовершенные произведения, но следует учитывать уровень тогдашних знаний. Какой-то «столовой чертеж», писанный красками, находился в Приказе Тайных дел и был всегда перед глазами.

В бытовом обиходе царя Алексея находилось уже много предметов иноземного происхождения. Особое пристрастие царь (как и его отец) питал к часам. Их было множество во всех помещениях дворца, как и всевозможных зеркал. Оставаясь истинно православным человеком, Алексей Михайлович придавал значение вещам, которым предписывались магические свойства. При описании имущества Тишайшего после его смерти привлек внимание таинственный сосуд из нефрита в золотой оправе. «Сила того

камни такова, – указывалось в описи, – кто из него учнет пить, болезнь и скорбь изнутри отоймет». Наследник приказал принести чашу пред собственные очи. У царя Алексея были очки, но пользовался ли он ими, сказать трудно. Возможно, не на людях.

При Алексее Михайловиче проводились разнообразные строительные работы церковного и гражданского назначения. Существенно перестроили кремлевские палаты. В Замоскворечье вознесся прекрасный храм Георгия Неокесарийского. Царь отдавал личные распоряжения на изготовление строительных материалов и их доставку к месту возведения. На Смоленской улице выросло каменное здание нового Аптекарского двора – главной «общественной столовой» государя, где кормили нищих и странников. О внушительных размерах этого здания говорит описание, согласно которому главная палата «для кормок» имела площадь семьдесят квадратных сажен, тридцать столов, шестьдесят скамей. Здесь было светло – четырнадцать окон. Существовал и старый Аптекарский двор (деревянный), более скромных размеров. Большое строительство шло в селе Измайлове, где возводили плотины, мельницы и другие сооружения, следили за состоянием многочисленных прудов (их считали тридцать семь). За время своего правления Алексей Михайлович дважды перестраивал и расширял свой Коломенский дворец.

Но самое грандиозное дворцовое сооружение здесь было возведено к 1669 году. Деревянное чудо поражало всех, кто его видел. Архитектурные формы дворца отразили самое совершенное в русском зодчестве эпохи. Лучшие мастера занимались внешней и внутренней отделкой загородной резиденции Алексея Михайловича. Симеон Полоцкий восславил Коломенский дворец, назвав его «восьмым чудом света». Иностранные послы не могли надивиться на изящество и богатство дворцового ансамбля. Любитель курьезов, Алексей Михайлович заказал для дворца необычное украшение близ царского места – двух львов из меди, одетых в овечьи шкуры. Благодаря хитроумному механизму, расположенному в особом чулане, эти изваяния, «яко живые, рыкали», двигали глазами и «зияли устами». Автором этого произведения был часовой мастер Оружейной палаты Петр Высотский. В селе Преображенском царь повелел построить «комедиальную храмину» – театр.

Алексей Михайлович очень любил бывать в Саввино-Сторожевском монастыре (Звенигород). Государя привлекали тишина, привольные дали изумительных по красоте окрестностей. Здесь построили каменные хоромы на приезд царя и царицы.

Расширение международных связей России потребовало строительства нового здания для размещения иностранных посольств. По распоряжению царя в центре Москвы сооружается капитальный посольский двор. Он представлял собой великолепное каменное трехэтажное здание с балконами вокруг большой башни, украшавшей подъезд. Четырехугольный внутренний двор имел посередине колодец. Достаточно сказать, что это здание было способно разместить до полутора тысяч человек с экипажами и лошадьми. Внутренняя отделка отличалась богатством и изяществом (златотканые обои, сукно и так далее).

О том, что при Алексее Михайловиче велось активное строительство, красноречиво свидетельствуют такие цифры: единовременные заказы на кирпич иногда достигали одного миллиона штук, но встречается и более внушительная цифра – в Даниловских сараях «девятнадцать сот тысяч» (то есть один миллион девятьсот тысяч) кирпичей. Кроме того, десятки тысяч больших камней доставлялись из Мячковской волости. О бревнах, досках и прочем говорить не приходится. Заметим, что царь не слишком злоупотреблял в хозяйственных делах бесплатной принудительной рабочей силой. Даже и в этих случаях работников не бросали на произвол судьбы, они получали приличное денежное вознаграждение, а также продовольствие и напитки. Расчеты с наемными людьми, подрядчиками (в том числе из крестьян), извозчиками и так далее заполняют страницы расходных книг Приказа Тайных дел.

Последние годы жизни Алексея Михайловича дали начало профессиональному русскому театру, пока еще придворному. Царь, посещая двор А.С. Матвеева, тешился театральными представлениями, которые давали «люди» его любимца. Тяготение к театральному действу не сочеталось с привычными представлениями о православном благочинии. Но устоять перед сильным увлечением государь не мог, да и не желал. Прежде чем устроить придворную театральную группу (первоначально из иностранцев), Алексей Михайлович испросил разрешения у патриарха – и получил его. Ведь народный театр скоморохов и Петрушки, ученых медведей и собак преследовался Церковью как «бесовство» и дань языческим пережиткам в быту населения. Но царь, не афишируя своих пристрастий, приглашал к себе скоморохов, обращался к ведунам, предсказателям будущего. Интерес к зрелищам царь проявлял всегда. Его в подобных настроениях всемерно поддерживал начальник Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев, ярый «западник» тех лет. Вполне вероятно, что толчком к учреждению театра стало рождение царевича Петра – первенца новой жены Алексея Михайловича – Натальи Кирилловны (кстати, воспитанницы А.С. Матвеева). Под руководством лютеранского пастора И.Г. Грегори создали актерскую труппу из числа молодых жителей Немецкой слободы.

Четвертого июня 1672 года объявили указ Алексея Михайловича: «...иноземцу магистру Ягану Годфриду учинити комедию, а на комедии действовать из Библии – Книгу Есфирь – и для того действа устроить хоромину вновь». Итак, репертуар был указан свыше. Помещения под театр построили в Преображенском и в Кремле. Заправлял подготовкой «комедии» А.С. Матвеев, постоянно державший в курсе дела царя. Труппа состояла из шестидесяти человек, репетировали на русском и немецком языках. Семнадцатого октября 1672 года состоялась премьера пьесы «Артаксерксово действо». Алексею Михайловичу спектакль так понравился, что он смотрел его в течение десяти часов, не вставая с места. Царю, несомненно, льстило предисловие к пьесе, возглашенное отроком. Оно начиналось словами: «О великий царю, пред ним же христианство припадает, великий же и княже, иже выю гордаго варвара попирает!... Ты самодержец, государь и облаадатель всех россов, еликих солнце весть, великих, малых и белых».

Больших расходов потребовала не только постройка помещений для театра, но и изготовление декораций, костюмов, реквизита. Денег на «комедию» не жалели. После спектакли стали проводить и в Москве. В апреле 1673 года Алексей Михайлович принял труппу Грегори, артистов допустили к царской руке, усадили за стол, кормили и поили. С этого года труппа стала пополняться за счет молодежи Мещанской слободы и детей приказных. Специально для театра приобрели орган стоимостью в тысячу двести рублей (но с продавцом так и не расплатились). Вслед за «Артаксеровым действием» были поставлены другие пьесы, также на библейские темы («Товия», «Иудифь»). Репертуар театра к исходу его деятельности (что совпало с кончиной Алексея Михайловича) состоял из шести пьес. Кроме названных трех, играли «камедии», посвященные Егорию, Иосифу и Адаму. Вступив на престол, Федор под влиянием патриарха Иоакима запретил «камедийные действия». Театр прекратил свое существование, чтобы возродиться при Петре.

Новшества в культурно-бытовой области, свойственные Алексею Михайловичу, перемежались с запретительными мерами. В то время как на театральных подмостках показывали далеко не старомосковские картины жизни, царь издает в 1674 году указ, о котором стоит сказать. Строго предписывалось не носить иноземное платье, не стричь коротко волосы – одним словом, внешний вид подданных государя должен соответствовать давним русским традициям. Скорее всего, названный указ вышел под давлением патриарха Иоакима и был своеобразной уступкой в обмен на театральные утехи царя, с которыми глава русской Церкви примирился.

Выше не раз упоминалось о несомненной религиозности царя Алексея. Он строго соблюдал церковные предписания касающиеся молебнов, праздников, постов. Иной раз в течение дня Алексей Михайлович посещал до пяти храмов и монастырей, всюду выстаивая службы и отвешивая несчетные земные поклоны (до тысячи и более). И постился государь истово, употребляя капусту, огурцы и грибы. Но и пировать царь умел. Такие перепады в режиме питания в конечном счете неблагоприятно сказывались на состоянии его здоровья. С необычайной щедростью царь оделял деньгами, дорогими тканями, всякой снедью церковнослужителей. В дни больших религиозных праздников царские посланцы развозили по сотням московских храмов подарки монарха. Ежегодно совершались торжественные «походы» в Троице – Сергиев монастырь. Об этом были осведомлены даже довольно случайные посетители Москвы – иностранцы. Наиболее часто царь посещал церковь Святой Евдокии. Он никогда не отказывался от возможности общаться с единоверцами из других стран, охотно принимал иерархов греческих, сербских, молдавских, грузинских и иных.

Отнюдь не показным было и нищелюбие Алексея Михайловича. После смерти своего любимого «дядьки» боярина Б.И. Морозова царь пожертвовал огромную сумму – десять тысяч рублей – на раздачу милостыни. Десятки нищих обитали в царских хоромах («на Верху»), имея полное содержание. В праздник Благовещения 1663 года на Аптекарском дворе кормили триста нищих в один прием и триста восемьдесят два человека – во второй. По дороге к Троице (1673 год) в разных местах угощали нищих калачами, варенцом, по чарке вина и кружке меда каждому. В монастырской богадельне, где находилось сто

двадцать три человека, царь также распорядился выдать еду и питье. За две недели до смерти Алексей Михайлович «в Верху» кормил сто нищих, оделив каждого сверх того деньгами (по двадцать пять копеек). По улицам развозили хлебы, предназначенные в качестве милостыни – иногда это тысячи «двуденежных» хлебов. Достаточно часто царь ходил по московским богадельням, раздавал деньги и харчи. Таких богаделен действовало несколько: Ильинская, Моисеевская, «на Кулишках», у Боровицкого моста, Покровская и др. Среди них были казенные. Особое внимание обращалось на увечных и больных. Как могли, их лечили за казенный счет.

Есть возможность посмотреть, какие лекарства были тогда в ходу. В 1674 году лекарь Аптекарского приказа Федор Ильин пользовал «царских богомольцев и всяких чинов людей» на Аптекарском дворе. Истратил он двенадцать рублей двадцать пять копеек на лекарства и приложил роспись их. В росписи значатся: пластыри разные, сахар «сереборинный», вино «ренское», эликсир – проперитис, спирт из ягод можжевельника, жемчужный порошок и... раковые глаза.

В ночь с 27 на 28 августа 1669 года милостыню дали четверемстам семидесяти одному богадельщику (по двадцать пять копеек). Летом 1674 года к царю «на Верх» привели двадцать нищих слепцов. Из рук хозяина дворца каждый получил по рублю.

Смерть царицы Марии Ильиничны глубоко опечалила царя Алексея и усилила его благотворительную деятельность. Он не ограничился раздачей милостыни. В ночь на 1 апреля 1669 года царь указал освободить «тюремных сидельцев и колодников, а исцовы иски и пошлины за них заплатить ис Приказу Тайных дел». Указ был выполнен. Речь шла о многих сотнях людей, находившихся по разным обвинениям в тюрьмах, имевших весьма характерные названия (Барышкина, Разбойная, Сибирка, Холопья, Женская, Опальная и другие). Кроме того, существовали места заключения в приказах (Стрелецком, Земском). Наконец, в годы войны Москва приняла немало пленных, которые находились на правах заключенных. Их не обходили при раздаче милостыни. Впрочем, эти знаки монаршей милости подчас были похожи на пиры. Так, на Пасху 1663 года на Английском дворе, где содержались пленные поляки, немцы и «черкасы», по царскому повелению устроили изрядное угощение: мясо жареное и вареное, всякие каши, пироги, калачи, вино, мед и прочее. Пленные поляки (четыреста семьдесят пять человек) помимо того получили купленные в рядах чекмени и холсты на рубашки (чекмень стоил дорого – один рубль сорок копеек), холста пошло более четырех тысяч аршин. По праздникам пленные имели существенную прибавку к их содержанию. Так, полковникам вручали поистине царское жалованье – сорок рублей, рядовым – один – два рубля.

Встречаются сведения о том, что Алексей Михайлович раздавал деньги «без щоту» во время выходов в московские церкви, иногда по его велению подаяние распределялось у Лобного места. В один из дней февраля 1665 года для этой Цели из царской казны поступила тысяча рублей. Не столь уж редко Алексей Михайлович платил долги за своих подданных. Он мог,

встретив на улице бедняка, распорядиться о покупке для него приличной одежды и обуви. Запись от 31 марта 1667 года в расходных книгах гласит: «Куплено неимущему Ефиму: кафтан теплый... (3 р. 50 коп.), шапка с окомом собольим (1 р. 50 коп.), сапоги красные, сафьянные (45 коп.), чулки да стельки (12 коп.), две рубашки да двои портки (79 коп.), два полотенца (25 коп.), коробка (15 коп.), башмаки (22 коп.)». Вдовы, жены и дети стрельцов совсем нередко пользовались казенными выдачами денег и продуктов по царским распоряжениям. В апреле 1669 года вдовам и сиротам стрелецким двум тысячам двумстам тридцати семи человекам на поминавание Марии Ильиничны разослали более ста пятидесяти двух «полтей» ветчины.

Благотворительность Алексея Михайловича была широко известна в России. Но знали и о том, что не без его ведома посылали на плаху множество людей. Жестокий век с его нравами давал себя знать, создавая противоречивую картину повседневной действительности.

В семейной жизни Алексея Михайловича конца 60-х – начала 70-х годов XVII века произошли большие и в основном печальные перемены. Один за другим ушли из жизни сыновья Симеон и Алексей (17 января 1670 года). Тяжкие удары судьбы усугубились кончиной дочери Евдокии (28 февраля 1669 года) и Марии Ильиничны (3 марта 1669 года). Царицу погребли в Вознесенском девичьем монастыре. Панихиды, большие раздачи милостыни (в богодельни и нищим посылали в те дни осетрину) сопровождалась отправкой в епархии денег для нищих. Более сотни этого люда провожало гроб царицы. Еще раньше в малолетнем возрасте скончались дочь Анна и сын Дмитрий. Создается впечатление, что именно потеря жены отозвалась самой жгучей болью в сердце государя, если об этом можно судить по длительности и многочисленности поминальных служб в церквях. Наследником престола царь определил среднего сына Федора. Его, как водится, торжественно представили народу и иностранным послам, которые тогда находились в Москве.

Два года вдовел Алексей Михайлович. И наконец решился на второй брак. Его избранницей стала юная дворянка Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанием которой занимался А.С. Матвеев. Девушка имела представление о культуре и быте европейских стран и не знала обычного в старомосковских порядках женского затворничества. Царь Алексей имел от молодой жены сына Петра (30 мая 1672 года) и двух дочерей – Наталью и Феодору.

Рождение Петра отметили особо торжественно. По этому случаю была выбита медаль. Крестили Петра в Чудовом монастыре. Крестным отцом был брат царевич Федор, а крестной матерью старшая сестра государя Ирина Михайловна.

Алексей Михайлович до конца своих дней остался прекрасным семьянином, и его новое супружество было вполне благополучным. При жизни царя (а оставалось до роковой черты совсем немного) не возникало серьезных проблем в придворной жизни. Однако подспудно зрел конфликт между родственниками первой и второй жены государя. Алексей (Михайлович, видимо, не изменил своего отношения к Милославским (его тестя И.Д. Милославского уже не было в живых), но, естественно, в гору пошли представители рода Нарышкиных. Главная схватка соперничавших кланов была еще впереди.

Как и раньше, Алексей Михайлович заботился о сестрах. Ирину Михайловну он почитал особо, в письмах называя ее матерью. Имя Ирины всегда в царских письмах семье стояло на первом месте. Чувствами любви, нежности и заботы наполнено последнее по времени письмо государя из Троице-Сергиева монастыря (1674–1675). В отличие от более ранних писем, тут на первом плане все дочери и Наталья Кирилловна, затем сестры и, наконец, сыновья. Примечательно и то, что после женитьбы на Наталье Кирилловне не прекратились панихиды по Марии Ильиничне. Государь был верен своим привязанностям.

В круг интересов и увлечений Алексея Михайловича, безусловно, входила охота. Он предавался ей с азартом и не жалел средств на содержание сокольников, ловчих и других слуг, которые обеспечивали царю «потеху», а также на уход за птицами. Одних сокольников у Алексея Михайловича считалось до двухсот человек. Соколов, кречетов, ястребов надо было кормить свежим мясом – для этого держали многие тысячи голубей. Выезд царя на охоту представлял собой красочное зрелище. В окрестностях Москвы пернатые хищники имели возможность показать свои способности, доставляя удовольствие венценосному охотнику. Алексей Михайлович делился своими впечатлениями о «потехе» с ловчим Матюшкиным, которому писал эмоциональные письма, рассказывая об охотничьих эпизодах. Наиболее удачливых соколов царь знал по именам и строго наказывал их беречь. В одном из писем царя своим приближенным говорилось: «А будет вашим небрежением Адар, Мурат, Лихач, Стреляй или Салтан умрут, и вы меня не встречайте, а сокольников всех велю перепороть, а если убережете, и вас милостиво пожалую, и сокольников тоже». Отличившимся на охоте Алексей Михайлович выдавал денежные награды. Так, во время одной «потехи» за держание сокола было пожаловано пять рублей, «кречет добыл ворона» – один рубль, за «гарканье» – пять рублей. Во имя царских охотничьих утех содержали в Измаилове, Чертанове и Хорошеве «волчьи дворы», где помещали мясо для приманки. На реке Яузе диким гусям и уткам построили для зимовки две избы. Согласно царскому повелению, в Москву надлежало доставить пять – шесть живых лосей. Но соколы не только служили ловцами дичи. Оказывается, к их услугам царь прибегал и в иных случаях. Как известно, тогда одним из способов лечения считалось кровопускание. Сохранилось такое свидетельство: «Великий государь лехчился, бил у руки жилу сокол».

Можно полагать, что государь не чурался игры в шахматы. Однажды по его заказу искусные холмогорские косторезы должны были изготовить десять комплектов шахмат.

Среди слуг упоминаются «дурак» (вероятно, шут) и «карла». Алексей Михайлович любил слушать рассказы столетних стариков о прошлых временах. Особый интерес он проявлял к Ивану Грозному и его царствованию. В числе собеседников Алексея Михайловича вполне могли быть современники этого страшного монарха, которого Тишайший весьма чтит.

«Дневальные записки» Приказа Тайных дел зафиксировали необычное времяпрепровождение царя Алексея. В одну из весен несколько дней он ходил в Набережную избу смотреть, как протекает ледоход на Москве-реке. Вероятно, тот год был в этом отношении необычным.

Судя по письму Алексея Михайловича А.И. Матюшкину, царю доставляло удовольствие купать поутру в пруду стольников, опоздавших на смотр. После водных процедур провинившихся усаживали за стол и подавали горячительное с доброй закуской. Сметливые нарочно опаздывали, чтобы таким способом попасть в поле зрения государя.

Современники весьма согласно рисуют привлекательный внешний облик Алексея Михайловича. Царь был достаточно высокого роста, белолицый, румяный, русоволосый. Голубые глаза смотрели внимательно и нередко кротко. Вероятно, у государя были свои доморощенные «парикмахеры». Двадцать первого января 1675 года по царскому указу было дано стремянному конюху Михаилу Ерофееву пятнадцать рублей за то, что он «в навечерии Рождества Христова у великого государя власы легчил против прежнего». Государь держался величаво, но не производил впечатления недоступного для общения. Вспыльчивость и быструю отходчивость Алексея Михайловича приписывают доброте его нрава.

Довольно устойчиво в исторической литературе Алексею Михайловичу ставят в вину слабохарактерность, податливость на влияния его окружения. Сначала все определял Б.И. Морозов, затем Никон, А.Л. Ордин-Нащокин и, наконец, А.С. Матвеев. Не отрицая роли этих выдающихся государственных деятелей в принятии важных решений царя, можно заметить и нечто иное. Алексей Михайлович позволял собой «руководить» не по слабости характера или недостатку ума, а лишь тогда, когда это влияние соответствовало его внутренним побуждениям и представлениям. Без доверенных помощников не обходился ни один даже самый «абсолютный монарх».

В последние годы жизни Алексей Михайлович заметно дряхлел. Его тучность не позволяла садиться на коня, все чаще государь «шел в карете». За месяц до кончины для царя в Тележном ряду куплена «избушка, обита кожей». Это был, видимо последний «поход» царя в село Преображенское.

Алексей Михайлович предчувствовал приближение смерти и встретил ее спокойно, как веление свыше. Двадцать девятого января 1676 года царя не стало. Удар Большого колокола Успенского собора известил об этом Москву. Перед смертью Алексей Михайлович благословил на царство четырнадцатилетнего сына Федора, распорядился выпустить узников из тюрем, вернуть сосланных, простить все казенные долги и заплатить за должников по частным искам.

В истории Отечества царь Алексей Михайлович оставил заметный след. Его преемники продолжили намеченные в царствование Тишайшего пути внутренней и внешней политики. Конечно, есть все основания говорить, что Алексеи Михайлович был прямым предшественником своего великого сына. Однако и независимо от этого он имеет право на самостоятельное место в нашем прошлом.

А. Богданов